

ДОЛОЙ!

Начать хотя бы с того, что утром Галина опять встретила оперного певца. Ну, что такое! Тощий, в чёрном плаще, — взмахом крыла ворона, — он мелькнул от подъезда к своей машине. Хлопнула дверца, певец уехал. “Наглый, — подумала Галина, — с утра куда-то намылился”. Вот уже несколько недель, как оперный певец делает нескончаемый ремонт, наверное, покрывает брильянтами стену. Каждый брильянт прикреплялся отдельно. Невыносимый визг электрической дрели пронзал этажи.

“А сколько богатых сосут из страны последние гроши, — вздохнула Галина, — кровавый режим не позволяет провести честную статистику”.

Если вы окажетесь за городом, то ахнете. Трёхэтажные коттеджи за бетонными стенами громоздятся друг над другом, будто гроздь переспелого винограда, и все эти башенки, все эти колоннады и декоративные трубы над черепичными крышами в своей безликой и бездушной пестроте напоминают чудовищный оскал. А где-нибудь на обочине ютится полуразрушенный домик нищей старушки, которая только и знает, что утром пасёт свою единственную козу, а вечером поливает грядки и слушает дребезжащий старомодный приёмник с вытянутой в бок тонкой антенной. И ничего у неё нет, кроме козы и вот этого приёмника, потемневшего от времени. Пока богачи купаются в своих бассейнах и в золоте, она сидит так тихим вечерком перед окном, подперев голову рукой, и думает, думает... кто знает, о чём!

“Страна нуждается в реформах! — чувствовала Галина до того удушьюще-вяжуще, что чуть не споткнулась, когда подошла к офису. — Ямка! У... асфальт не могут починить! П-п-равители”.

— Добрый день, Галя, — равнодушно поздоровался охранник Лёша.

— Как жизнь?

— Как? — он повёл плечами. — Честно, ничего хорошего.

— Ну, ещё бы, ещё бы. У кого сейчас всё хорошо? Только у дегенератов.

— С женой я поругался, про развод думаем.

— Вон как.

— Надоела мне вся муть. Бабство. Один хочу жить, сам себе хозяин.

— В этой стране по-другому и нельзя, — согласилась Галина, — пока у нас такой президент — так всё и будет. Ведь почему вы ругаетесь? Потому что жизнь вокруг такая. Поганенькая. Ресурсы исчерпаны, образование для простого человека недоступно, цены взвинчены. А про медицину лучше вообще не говорить.

— Тебя послушать, — обрадовался Лёша, — сразу легче. Умный ты человек. Смотришь в корень, в самую суть. Колбаса-то ведь и правда дорожает!..

В маленькой комнате офиса, как Галя и предполагала, за компьютером уже сидел Валентин, он всегда приходил первым; много курил и мало ел, кислым голосом разговаривал по сотовому телефону, любил откидываться на спинку кресла, здоровался, не поднимая глаз. Вот и всё, что знала Галя про этого Валентина. И до чего же он ей нравился! Худой и загадочный, словно узкая замочная скважина, с пергаментным лицом и непроницаемыми зеленоватыми глазами!

— Валентин, — спросила Галина, — ты собираешься завтра на митинг?

— Нет.

— Что так?

— А зачем?

— Ох, зачем, зачем, во всё тебе цель нужна, какой-то смысл ищешь. А по-моему, всё понятно! Пора менять систему. Государство прогнило. Так-то, Валентин, так-то.

Он ничего не ответил. Потянувшись, встал и шагнул к двери:

— Пойду на перекур.

— Ты не найдёшь счастливых людей. Взять хотя бы нашего охранника Лёшу... — почти жалобно закончила Галина.

Включила компьютер. Уткнулась в документы...

И так каждый день. Пресная, точно бездрожжевой хлеб, жизнь. Дрожжи. Вот чего не хватает! День пухнет событиями, не дающими никакого результата. Собираясь в единый ком, будто грязное бельё, дела нагнаиваются, стиснутые невидимой оболочкой.

Утро, которого ты не видишь, не чувствуешь, не знаешь, как светит солнце, этот бледный клубочек, спелёнутый тучами. Ты бежишь, спускаешься в метро, ты увязаешь в людях, в духоте чужих лиц, жарко разлитых вокруг твоих плеч. Как в общей могиле, глубоко под землёй, сжатый такими же, как и ты, телами. В метро нет людей. Только тела, застывшие в муке ожидания.

Работа. Охранник Лёша и скучный Валентин с невидящими, ватными глазами. Племянница Ирочка, ярко накрашенная, в платье, похожем на гирлянду, стоит у подъезда с подругой. Весёлые девушки шепчутся и хихикают, прикрыв ладошкой рот. Кто-то курит в подъезде, присев на ступеньку. Кто-то вышвыривает из квартиры кота.

Стареющие друзья, сливочный торт на день рождения, бесконечный сериал по выходным и солёный крекер, от которого уже тошнит. Изо дня в день. Из года в год.

И задача общества — разорвать оболочку, стянувшую сердце, вылупить, как в далёкое время пытался царь Пётр, в Европу или ещё куда-нибудь. Россия — гигантское твёрдое яйцо. Дед бил, баба била... ничего не вышло. Галина всего лишь хотела “вырваться к свету, к разумному государственному устройству”, так, чтобы и охранник Лёша был счастлив, и у Валентина сухие щёки порозовели бы.

...Поздно вечером в своей квартире она разогрела на постном масле и поела вялые, слипшиеся макароны, включила телевизор. В новостях опять показывали президента, куда-то он поехал, то ли на переговоры, то ли на конференцию, то ли отдыхать. Экран трещал, изображение слоилось, и президент походил на перевёрнутое корыто. Галина усмехнулась. “Долой правительство!”, — провозгласила она, зевнув. А за стеной послушно раздался протяжный скрип. Должно быть, оперный певец прикрепил очередной брильянт к стене.

ПОДАРКИ

Они ходили по слякотным улицам уже давно, и всё не могли расстаться. Вадим рассказывал про своё детство, как первый раз поехал на метро и потерялся в толпе: сестра Неля, очень худая, высокая, да ещё и на шпильках, да-да, он именно такой и запомнил её в тот день, тащила в клетчатой сумке рыжего кота, а его, маленького, вела за руку и повторяла:

— Будет эскалатор Вадик, не пугайся. Прыгай. Главное — прыгай. Ну, и всё.

Кот постоянно высовывался в отверстие под молнией, похожее на дуло, и орал. Страшно так, выпучив жёлтые глаза. Стыдоба какая...

В какой-то момент Неля отвлеклась: наверное, толкала голову кота обратно, в глубь сумки, отпустила руку, и в миг, да-да, это случилось в один миг, душная толпа вососала его и потащила, колыхаясь, куда-то в сторону.

— Я здорово тогда перепугался, — сказал Вадим, — думал, ну всё, конец. Стал громко кричать. А голоса не слышно! Хотел залезть на дерево и повесить какой-нибудь флаг, так в сказках пираты делали, и только тут увидел: в метро нет деревьев. И нет облаков. И моря нет, чтобы бросить бутылку с письмом о помощи. Вот это ощущение...

— А дальше?

— А дальше не помню. Нашлись как-то. Знаешь, это Нелька придумала. Повезла меня выгуливать куда-то в центр. На карусель.

— А кот?

— Ну, и кот за компанию, да...

— Здорово! Вадим, а как твоя сестра сейчас?

— В Германию поехала, там бизнес.

— Да... Мы с папой были в прошлом году, мне понравилось.

— А я не понял. Заграница... — Вадим нахмурился, — слишком там стерильно. Не по-нашему всё как-то. Все рассчитано, до минут...

— Там тепло, — вздохнула Аня, — мой папа обещал снять на юге домик, вот к следующему лету. Где-нибудь в Италии...

По тёмному городу в пятнах тусклого света кружились мелкий снег. Пустые бесформенные улицы и холодное сияние чужих окон — везде, куда ни посмотришь. Заговорившись, они забрели в новый район, пустынный и дикий. Привычный мир исчез. Лишь дома и гаражи, и сероватые горсти света, протекающие в небо...

— Замерзла?.. — спросил Вадим. — Тут заблудиться можно.

— Да нет, мне тепло.

И всё-таки они завернули в какой-то магазинчик, ветхое строение между деревьями, и купили чай. В пластиковом стаканчике, крепкий, обжигающий. Один на двоих.

— Почему ты не хочешь в кафешку? — в который раз спросил Вадим. — Вон хоть в ту, через дорогу.

— А на улице вкусней!

Она засмеялась и сняла шапку. Светлые длинные волосы рассыпались по плечам.

— Чувствуешь, снег колючий... летит. Летит... И мне хочется. Как на крыльях.

— Чудная!..

И он впервые взял её за руку. Она не убрала, но и не сжала в ответ его ладонь. Задумчиво, будто отрешённо, посмотрела в тёмную, взвихренную снегом мутную даль.

— Вот и зима наступила, — просто так сказал Вадим, — теперь всё будет холодным и скучным. До весны.

А сам подумал с каким-то привычным равнодушием, что опять завтра просыпаться затемно, спешить на работу, трудную и долгую, а ночью слушать шум электричек, тревожное биение колёс, и как старый незнакомый сосед за стеной перебирает струны гитары. И всё это будет сливаться в единый стон, нераздельный и тусклый, будто тёплый воск золотистой свечки. Полудявь-полусон. Дом на краю железной дороги. Поезд, исчезающий в стрелах ледяного ветра.

Доброе детское воспоминание, да уж... Если бы Аня знала, могла догадаться о причинах той поездки в метро, когда сестра в одной руке сжимает сумку с обезумевшим от страха котом, а в другой — ладонь брата. До этого было вот что. Пьяный отец всю ночь зачем-то сдирал на кухне обои и при этом то ли пел, то ли плакал. Мама подметала пол. Молча. Тогда Неля рано утром собрала вещи. Взяла самое дорогое: лаковую шкатулку, туфли на каблуках, флейту, рыжего кота и меня. И хлопнула дверью. В метро пахло жарким летом. “Поедем к бабушке, — сказала Неля, — станем жить у неё. И на карусели кататься, не бойся”.

— Идём-ка вон туда! Видишь? — потянула Аня его за руку.

— Что?

— Вон-вон, книжный, там... К Новому году подарки посмотрим. Блокнот какой-нибудь, — Аня улыбнулась.

— Идея. И мне, кстати, для племянницы. Что-нибудь, конструктор, может...

— А сколько ей?

— Два года три месяца.

Серые тучи бесшумно вились над домами. Тихий город моросил блеском фонарей. Было так легко, что хотелось вечно идти по этим замёрзшим улицам. Просто идти, чуть касаясь друг друга. “Ну, разное у нас было детство, — подумал Вадим. — Ну, и что! Мы любим. Кажется, любим друг друга”.

В книжном магазине Аня долго и сосредоточено перебирала блокноты, а Вадим сразу прошёл к кассе и спросил у продавца “что-нибудь интересное для ребёнка, девочке два года”.

— Есть книжка, есть конструктор... — засомневалась продавец, — или кукла ещё.

— Мне вот такой блокнот, — наконец-то выбрала Аня, — а ты, Вадик, возьми конструктор. Дети любят такие штучки.

...Улица тонула, будто корабль, в вихре снега и мутного сияния фонарей. Они вновь шли, взявшись за руки, по этому бесконечному и влажному свечению.

— Тебе завтра на работу?

— Да!..

— А я в универ. А после к папе в театр. Или нет. Сразу домой.

Вадим знал, что отец Ани — давно уже не актёр, но директор и успешный предприниматель. И всё-таки уточнил:

— На репетиции ходишь?

— Нет, конечно! Коридоры мне нравятся... Длинные-длинные...

Длинные, как улицы, как провода, запорошённые снегом, как нехоженные тропинки диких лесов: корни выются, вздымая песок... Колокольчики синие на поляне растут... Перезваниваются: динь-дзинь...

— Алё, мам, не волнуйся, я почти уже дома.

Вот и чёрные ступени подъезда.

— До завтра, Анют. К восьми зайду.

— Можно и раньше. Я же не пойду в театр. Или... хотя...

Безвёздная ночь тянулась вязким туманом, в котором таяли звуки шагов и шорохи машин. В этой совершенной, точно глубокая пропасть, тишине они впервые поцеловались. Посреди талого снега. Деревьев. Немых тёмных окон. Быстрого движения далёких планет. Одни-одни во всем мире.

Дома Аня долго не могла заснуть. Часов до трёх читала, потом включила негромкую музыку и легла. Тревожно цокали настенные часы. Нагнувшись, она подтянула с пола сумку и достала блокнот. Вот он, в красной обложке, чуть шершавый на ощупь. Маленький блокнотик, который никогда ему, наверное, так и не подарит. И не наверное. А точно. Ведь с тех пор, с их последнего разговора, прошло столько времени. Больше года.

...В тёмном свитере и кожаном пиджаке, он всё так же будет ходить по коридорам театра, переносить декорации из мастерской на сцену и обратно. Театральный художник. Такой далёкий, чужой и невозмутимый. Каждый раз, увидев его, Аня теряла опору, и словно падала, но не в пустоту, а в огромный звучащий мир, в котором весенние дожди, высокие дома и далёкие цветочные луга соединялись в одну мелодию. Когда он подходил, просто замедлял шаг и, прищурив глаза, вежливо и хмуро здоровался, всё наполнялось жизнью и радостью. Как же давно заблудилась она в этих коридорах! Осталась одна. Толпы людей спешат сквозь неё. Безмолвно. Страшно.

— Не спишь, дочка? — заглянула в комнату мама.

— Да...

— В воскресенье к нам в гости придет тётя Эля. Хочешь, пригласи Вадима, будет праздничный ужин.

— Хорошо...

Аня отложила блокнот и, обняв подушку, отвернулась.

Вадим стоял у себя на балконе и курил. Холодный ветер глухо поднимался от земли. Веял мёртвыми просторами. А где-то далеко, в тёплой тесной квартирке на окраине Москвы спит сейчас крохотная девочка с мягкими волосами и голубыми глазами. Машенька. Конструктор, наверное, ей понравится. “Па-па, па-па!” — звонко воскликнет она, подпрыгивая на одной ножке. “Скверно получилось, — в который раз подумал о жене Вадим. — Ну, выпил я пару раз чуть больше нормы, с кем не бывает. А она уехала, дура. Какая дикость”. Впрочем, эту нервную женщину с жёлтым истощённым лицом и не жаль вовсе. Пусть живёт, как хочет. “Мне-то теперь что!” — почти вслух проговорил Вадим.

В снежном ночном тумане слышно и тоскливо прогудел поезд.